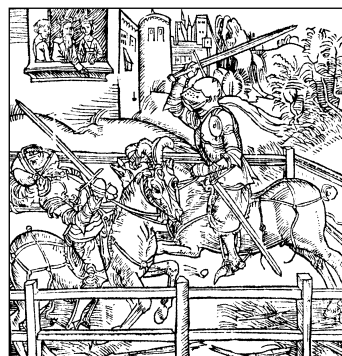

Геостратегические игры на Большом Кавказе

Валерий Коновалов, Максим Цветоват

Системный подход к сценарному анализу

Геополитические изменения на постсоветском пространстве привели к возникновению пяти геостратегических комплексов — Балтийского, Восточноевропейского, Кавказского, Среднеазиатского и Дальневосточного. Кавказский комплекс, объединяющий Северный Кавказ и Закавказье, включает южные области и национальные республики России, Грузию, Армению и Азербайджан.

Кавказ — область уникального этнического и культурного разнообразия, но, несмотря на свою уникальность, он может рассматриваться как целостная структура или комплекс, для изучения которого используются различные методы. Один из таких методов — *системный подход*, направленный на выявление сущности базовых отношений между основными акторами, действующими на политической сцене. Жизнеспособность традиционных и новых акторов во многом определяется наличием минимальной политической стабильности не только на Северном Кавказе, но и в Кавказском геостратегическом комплексе в целом.

В этом контексте и необходимо осмыслить то внимание, которое политики и лидеры делового мира уделяли в 1990-е и последующие годы Кавказскому и Каспийскому регионам. Здесь для нас важны не только причины этого внимания, но и его возможные последствия, прежде всего, с точки зрения развития стратегических процессов на данном геостратегическом пространстве.

Аналитики и эксперты разрабатывают различные прогнозные сценарии развития ситуации в регионе. В качестве примеров можно привести работы В. Гусейнова [Гусейнов 2002: 337–368], Ю. Давыдова [Политика США в меняющемся мире 2004: 183–207, 276–290], Э. Ожиганова [Ожиганов 2006: 145–160] и др. Сценарные прогнозы могут опираться на разные исследовательские подходы. Мы в своем анализе используем системный подход к сценарному анализу и динамическую модель пространственных сетей (*Spatial Network Dynamics Model*).

Ф. Шродт в главе «Математические модели», написанной для учебника Дж. Мангейма и Р. Рича «Политология: методы исследования», утверждал: «Политическая жизнь достаточно регулярна для того, чтобы ее упрощенная неформальная модель могла

принести определенную пользу. Большая часть того, что случается в сфере политики, как правило, не является совсем уж неожиданным... у нас имеются априорные представления о том, как могут развиваться события, ... имеются своего рода ментальные модели функционирования политических систем, даже если мы ни разу не пытались выразить их эксплицитно. Математические модели как раз и помогают эксплицитовать подобные неформальные модели» [см.: Мангейм, Рич 1997: 475–476]. При этом математическая обработка формальной модели нередко приводит к нетривиальным выводам. Шротт пронизательно замечает, что помимо стимулирования междисциплинарного обмена методами и идеями математические модели позволяют увидеть глубинную однородность явлений, которые на первый взгляд не имеют между собой ничего общего [см.: Мангейм, Рич 1997: 479].

Системный подход исходит из того, что каждый зафиксированный факт детерминирован связью с другими фактами или наблюдается вместе с другими фактами. Взаимосвязанность переменных хорошо прослеживается в системном прогнозе развития стратегической ситуации на Кавказе, предложенном Ожигановым. В основе системного прогноза лежит методология анализа иерархических процессов (*Analytical Hierarchy Process — AHP*), разработанная Т. Саати [Saaty 1980].

Системный прогноз развития стратегической ситуации на Кавказе включает иерархическую систему элементов со следующими «уровнями»:

- цель планирования;
- экономические, политические и социальные силы, которые влияют на исход ситуации;
- ресурсы, которыми управляют акторы;

- цели каждого актора;
- возможные сценарии [Саати, Кернс 1991: 149].

Какой из возможных сценариев точнее предвосхитит действительное развитие событий, зависит от того, насколько точно в нем прописаны важнейшие элементы стратегической «сцены». В нашем подходе это: *акторы*, то есть основные действующие лица этой «сцены», *ресурсы*, которые могут быть ими использованы, и *тактики*, применяемые в борьбе за господство. Большое значение имеют также факторы времени и пространства.

Данная методология позволяет дать сценарный прогноз региональных и локальных конфликтов на Кавказе и в Каспийском регионе, влияющих на состояние глобальной безопасности и мировые экономические стратегии.

Системный прогноз включает политическую составляющую и должен учитывать, по меньшей мере, три основные группы факторов: внутреннее развитие в пределах отдельных государств; межгосударственные отношения; внешнее влияние международных институтов.

Можно выдвинуть следующую гипотезу: определяющую роль в глобальной геостратегической системе играют *экономические и торговые сети* как важнейшие составляющие проблемы энергетической безопасности и экономической взаимозависимости.

Сегодня на поверхность вышла долгосрочная тенденция дестабилизации Ближнего Востока, одновременно в мире началась новая стратегическая схватка за нефть. Эксперты прогнозируют крупные конфликты в этом регионе, так как энергетическая безопасность достижима только в результате принуждения, которое вряд ли удержится в рамках одного лишь политичес-

кого давления. Даже если конфликт не примет военную форму, неизбежно произойдет активизация террористической деятельности противников евроатлантических сил.

Причины изменений стратегического влияния тех или иных государств коренятся в политической, экономической и военной динамике сетевых взаимоотношений между ними.

Способом достижения региональной стабильности (*вектор стабилизации*) в данном случае является фактор стратегического политического и экономического влияния.

Системный и сетевой подходы позволяют проверить выдвинутую нами гипотезу, обеспечивая инструменты для моделирования международной системы относительно факторов стратегического экономического влияния.

Сценарии

Опираясь на проведенный Э. Ожигановым комплексный анализ, попытаемся определить наиболее вероятный сценарий развития ситуации в Кавказском геостратегическом комплексе. В качестве возможных сценариев рассматривались следующие:

- стабилизация геостратегического комплекса;
- устранение угроз дестабилизации;
- сохранение статус-кво;
- усиление напряженности;
- военно-политическая блокализация;
- системная дестабилизация геостратегического комплекса [Ожиганов 2006].

Акторы

Активно действующими политическими силами являются такие государства, объединения и непризнанные республики, как *Абхазия, Армения, Азербайджан, Чечня, Европейский союз, Грузия, Иран, Казах-*

тан, Нагорный Карабах, Россия, Южная Осетия, Турция, Туркмения, США.

Непризнанные республики и субъект Российской Федерации (Чечня) включены в число активных политических акторов потому, что конфликты и войны в Нагорном Карабахе, Абхазии, Южной Осетии, Чечне и в других территориальных образованиях Большого Кавказа и Каспийского региона оказывают серьезное, а иногда решающее влияние на внешнеполитическое поведение новообразованных государств, а значит, и на перспективы освоения новых месторождений и транспортировки энергоресурсов. К примеру, чеченский кризис существенно ослабил позиции России в ключевом вопросе о безопасности и надежности транспортировки углеводородов через ее территорию: целенаправленными ударами по «трубопроводным» городам — Буденовску и Кизляру — чеченские сепаратисты дали понять, что весь Северный Кавказ уязвим. Точно так же наличие непризнанных государств (Нагорного Карабаха, Абхазии, Южной Осетии) и курдская проблема ухудшают перспективы трансгрузинского и турецкого нефтепроводов. Ситуация в Афганистане и Ираке создает острые проблемы для южных коммуникаций и т.д. Неслучайно авторы книги «Энергия и безопасность: на пути к новой внешнеполитической стратегии» определяют энергетическую безопасность как «обеспеченность доступа к энергетическим ресурсам, необходимым для поступательного развития национальной мощи» [Kalicki, Goldwyn (eds.) 2005: 9]. По мнению Ли Гамильтона, президента Международного научного центра им. Вудро Вильсона, энергетическая безопасность — второй по значимости компонент государственной политики безопасности после национальной обороны [Kalicki, Goldwyn (eds.) 2005: XXI].

Другие факторы

Приведем ключевые характеристики политической, экономической и военной среды, в которой действуют акторы Кавказского геостратегического комплекса.

В качестве основных ресурсов действующих акторов оценивались следующие характеристики:

- состояние экономики: экономическое неравенство (коэффициент Джини*), торговый дефицит, дефицит энергии, внешняя зависимость;
- военный потенциал: внешнее влияние, технологический уровень, тактико-технический уровень систем вооружений, доля военных расходов в ВВП;
- политический потенциал: идеологическое единство, сильное лидерство, наличие сильной оппозиции.

Цели акторов

Наличие конфликтных, центробежных, дезинтеграционных и сепаратистских тенденций в регионе отражается на понимании безопасности и видении различными «государствами-нациями» основных характеристик этого региона как системы. Так, представления правящих кругов различных стран: России — о «ближнем зарубежье», Ирана — о «Новом Ближнем Востоке», Турции — о «Великом Туране», играют важную, подчас стратегическую роль в политике этих государств на Кавказе и в Каспийском регионе. Акцент на конфликтном характере концепций кавказской региональной идентичности поможет глубже понять динамику

политической ситуации в регионе, влияние соответствующих представлений на выработку политической, экономической и военной стратегий.

Российскоцентричное видение.

Россия — государство-преемник СССР — претерпела самую глубокую трансформацию как участник системы международных отношений. Юг России в силу своего геополитического положения был неизбежно вовлечен в мировые политические процессы, более того, превратился в один из нервных (и невралгических, если продолжить метафору) узлов современной системы международных отношений.

К числу важных региональных приоритетов России относится сохранение своего экономического и военного присутствия в Кавказском, Каспийском и Центрально-Азиатском регионах. Поэтому Россия расценивает недавно появившиеся независимые государства Закавказья, главным образом, как принадлежащие к категории стран «ближнего зарубежья».

Огромные запасы обнаруженных здесь углеводородных ресурсов превратились в одну из стержневых проблем современной международной политики. Для стратегических внешнеполитических и экономических интересов России важен вопрос, будет ли она контролировать транспортные потоки с месторождений нефти и газа на шельфе Каспия. Каспийский бассейн, как и Черноморский и Балтийский, составлял значительную часть российского геостратегического потенциала. Юг России имеет перспективы войти в состав

* Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) — макроэкономический показатель, характеризующий дифференциацию денежных доходов населения в виде степени отклонения фактического распределения доходов от абсолютно равного их распределения между жителями страны. — *Ред.*

комплексных трансконтинентальных транспортных систем. Однако транспортировка энергоресурсов Каспия через Турцию на Запад, в обход России, по так называемому транскавказскому коридору не отвечает требованиям ее безопасности.

О новых угрозах для России шла речь в послании президента В. Путина Федеральному Собранию РФ (10 мая 2006 г.): «Мы должны найти убедительные ответы на угрозы в сфере национальной безопасности. На фоне активно идущего переустройства мира появилось множество новых проблем, с которыми реально сталкивается наша страна. Эти угрозы менее предсказуемы, чем прежние, и уровень их опасности в полной мере до конца не осознан. В целом очевидна тенденция к расширению в мире конфликтного пространства. И что крайне опасно, его распространения на зону наших жизненно важных интересов» [«Российская газета» 11.05.2006]. Главный аргумент здесь связан с гигантскими энергетическими ресурсами России. Несомненно, они служат мощным рычагом политического и экономического влияния. Именно с сырьевыми богатствами Россия связывает свои надежды на политическое влияние в мире и будущее процветание. Европа нужна России в качестве потребителя ее энергоносителей не меньше, чем сама Европа нуждается в российских поставках, поскольку выручка от продажи нефти и газа составляет 30% ВВП России (причем эта доля только растет) и 70% ее экспортных доходов.

Расширение экономической базы поможет осуществить планы Путина по превращению России в одного из ведущих и влиятельных игроков на поле мировой политики и дипломатии. Вес страны как стратегического геополитического игрока будет увеличиваться. С одной стороны, это дает России новые возможности, а с дру-

гой — рождает новые угрозы (в частности, смещение зоны нефтяных каспийских интересов Запада к Северу опасно нарушает российские границы).

«Новый Ближний Восток». Иранские правящие круги, опираясь на богатую геополитическую историю, обсуждают возможность формирования нового региона под своим влиянием — «Нового Ближнего Востока», или «Северо-Западной Азии». Этот регион должен включать Пакистан, Афганистан, Иран, Узбекистан, Туркменистан, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Азербайджан, Армению и Турцию.

Туркоцентричное видение. Туркоцентричное представление о Кавказе базируется на идее государства, объединяющего население всех тюркоязычных стран. В «Великий Туран» должны войти не только весь Северный Кавказ, но и государства Центральной Азии, а также Татария, Башкирия и Якутия.

«Центр новой региональной конфигурации» — Грузия, Азербайджан и Армения. Для республик Закавказья большое значение имеет выгодное географическое положение, которое можно использовать для создания транспортного коридора в направлениях Запад–Восток из Центральной Азии и Каспийского региона в Западную Европу.

О своих претензиях на доминирование в новой региональной конфигурации заявляют правящие круги Грузии, Азербайджана и Армении. Каждый из трех народов определяет свою историческую судьбу как в территориальных, так и в культурных терминах. При этом сами понятия «Армения», «Грузия», «Азербайджан», отмечает К. Гаджиев, «зачастую наполняемые мифологическим содержанием, тракуются значительно шире и крупнее, чем реальные территориальные масштабы

соответствующих государств» [Гаджиев 2001: 68]. Межэтнические конфликты, наличие территориальных и иных претензий друг к другу вынуждают правящие элиты этих стран искать политическую и военную поддержку у ведущих мировых акторов и создавать военно-политические альянсы различной конфигурации.

Энергетический фактор как «сфера стратегических интересов» США и ЕС.

Интерес к углеводородным ресурсам Каспия и Центральной Азии придал дополнительный стимул участию США и европейских стран в геостратегических процессах в регионе. Прежние позиции были пересмотрены, и Соединенные Штаты объявили регион сферой своих интересов.

Отметим, что геостратегия США рассматривает Кавказ не в качестве самостоятельной единицы, а в комплексе со всем бассейном Каспийского моря и Средней Азии. Причина кроется в необходимости обеспечить разработку и безопасную транспортировку стратегически важных нефтегазовых запасов. Непрерывная поставка нефти на мировые рынки рассматривается американскими стратегами как ключевой фактор в глобальной системе международных связей. В настоящее время Соединенные Штаты импортируют 51% потребляемой ими сырой нефти (19,5 млн. баррелей ежедневно). По американским оценкам, к 2020 г. этот показатель составит уже 64%, то есть 25,8 млн. баррелей в день.

На фоне растущей зависимости США от импорта нефти произошло перераспределение ролей между отдельными странами-поставщиками. Во-первых, сошло на нет преобладание ОПЕК. Поставки из стран, не входящих в эту организацию, значительно превышают объемы нефти, поступающей из государств-членов ОПЕК. Во-вторых, серьезно возросли поставки нефти из соседних

или географически близких к Соединенным Штатам стран. Саудовская Аравия переместилась с первого на четвертое место в списке поставщиков нефти в США, а на первые три места вышли Канада, Мексика и Венесуэла. Пятая страна нынешнего списка — Нигерия — также вполне способна «обогнать» Саудовскую Аравию (она, например, легко сделает это, если выйдет из ОПЕК). В-третьих, среди государств ОПЕК, поставляющих нефть в США, уменьшилась доля стран Ближнего Востока. На них теперь приходится всего 17,6% (благодаря частичному восстановлению поставок из подконтрольного Соединенным Штатам Ирака), в том числе на Саудовскую Аравию — 11,3%, а на три соседние для США страны — Канаду, Мексику и Венесуэлу — около 41,3% американского импорта. Таким образом, геозкономическая стратегия Соединенных Штатов по обеспечению энергетической безопасности в случае расширения кризиса на Ближнем Востоке, в общем, реализована довольно успешно [Симония 2005].

В августе 2005 г. «Нью-Йорк Таймс» поместила на своих страницах комментарий Б. Херберта к книге известного американского экономиста и эксперта по энергетике Д. Ергина, которая вышла под характерным названием «Награда» («The Prize») и была удостоена в США Пулицеровской премии. По мнению Херберта, смысл книги можно передать всего одной фразой: «Все дело в нефти, глупенькие!» [«The New York Times» 08.08.2005].

В обращении к Конгрессу США и американскому народу «О положении в стране» (2006 г.) президент Дж. Буш отметил, что Америка подсела на «нефтяную иглу», стала зависимой от нефти, которая зачастую импортируется из нестабильных регионов мира. В связи с этим он поставил задачу добиться к 2025 г. замещения более

75% импорта нефти с Ближнего Востока. «Используя свои таланты и технологии, Америка может кардинально улучшить состояние нашей окружающей среды, уйти от нефтяной экономики и покончить с нашей зависимостью от ближневосточной нефти», — подчеркнул Буш [В послании Конгрессу «О положении в стране» Буш призывает к активному участию США в мировых делах 2006].

Специалисты считают, что по запасам углеводородов Каспийский бассейн занимает третье место после Западной Сибири и Персидского залива. В течение следующих 15–20 лет поставки с Каспия могут заменить импорт нефти из Персидского залива. Поблизости от Каспия располагаются стратегически значимые нефтяные и газовые запасы Туркмении, а также месторождения нефти в Узбекистане, Таджикистане, Кыргызстане. Общине прогнозируемые запасы нефти в Иране, Азербайджане, Казахстане, Туркменистане и на Каспийском побережье России достигают 25 млрд тонн, то есть около 15% мировых нефтяных запасов, плюс 50% мировых запасов газа.

Динамическая модель пространственных сетей

Методология сетевого анализа (*Social Network Analysis* — *SNA*) лежит на стыке качественных и количественных методов. Основная цель этого метода — поиск и анализ устойчивых моделей («паттернов») взаимосвязей между акторами в крупных динамических системах. Мы предлагаем метод, который дает возможность анализировать целостные геостратегические системы как сети взаимозависимых акторов (*узлов*) и цепей зависимости (*ребер*). Совокупность акторов и интеракций в таком случае может быть представлена в виде *графа*.

Даже поверхностное наблюдение над подобными сетевыми структурами позволяет сделать определенные выводы о свойствах системы. Так, некоторые сети демонстрируют ярко выраженную централизацию и контролируются единичными акторами или небольшими группами акторов. Акторы, находящиеся вне занимающей центральную позицию «элиты», в основном не соединены друг с другом, что еще больше укрепляет роль центра. *Централизованные сети* отличает эффективность передачи информации от центра к периферии и, как итог, высокая эффективность управления. В то же время сети с высокой централизацией несут в себе опасность раскола в случае ослабления центральной власти и не имеют внутренних механизмов сдерживания, способных предотвратить радикальные изменения.

В другом сценарии акторы участвуют в равноправном диалоге, децентрализируют сеть и открывают новые возможности решения проблем, согласовывая свои интересы с интересами соседей. *Децентрализованные структуры* имеют внутренние механизмы предотвращения конфликтов, обусловленные политической сдержанностью акторов. Для этого сценария характерна низкая эффективность координации действий, результатом чего является необходимость продолжительных переговоров, не всегда завершающихся реальными действиями. В действительности децентрализованные сети не могут существовать вне рамок небольших региональных групп.

Третий характерный тип сетей — *самоорганизующиеся (scale-free) сети*. Сочетая свойства централизованных и децентрализованных структур, самоорганизующиеся сети состоят из эгалитарного центра с децентрализованными координационными

системами и периферии, которая воспринимает центр как единого актора.

Конечно, в реальной среде централизованные или децентрализованные сетевые структуры не представлены в чистом виде. Скорее, можно говорить о смеси множества различных структур.

Количественные методы оценки сетевых структур включают методы определения *центральности* отдельных акторов, поиска ключевых игроков и посредников, соединяющих элементы сети, идентификации сетевых структур, присущих определенным процессам передачи информации и типам взаимодействия акторов.

Центральность и власть в сетях

Первичный анализ сетей, как правило, заключается в поиске центральных акторов. Л. Фриман [Freeman 1979: 215–236], а также С. Вассерман и К. Фауст [Wasserman, Faust 1994: 345–393] ввели понятие «*центральности*» (в математике употребляется термин «центрированность»), определяемое как местоположение актора в сети относительно других акторов. Имеются разные определения данного понятия. В одном случае это связанность вершины с наибольшим количеством других вершин-акторов (*степень центральности*), в другом — близость расположения данного актора относительно других акторов сети. Если позиция центрально, то актор может быстро взаимодействовать с прочими акторами (*плотность центральности*). В третьем случае вершина графа считается тем более центрированной, чем больше потоков перемещаемых ресурсов она контролирует (*центральность как посредничество*).

Степень центральности (degree centrality) рассчитывается для каждого узла как нормализованная сумма всех ребер графа, входящих и исходящих из данного узла.

В этом случае подход к определению центральности основывается на предположении, что власть в сетевой структуре принадлежит узлам с наибольшим количеством связей. Для некоторых, хотя и не для всех, сетей такое предположение справедливо. Например, если ребра в графе сети соответствуют информационным потокам, то акторы с наивысшей степенью центральности могут считаться наиболее информированными и, как следствие, способными контролировать потоки информации.

Представление о *центральности как посредничестве* и о *плотности центральности* (betweenness and closeness centrality) построено на концепции кратчайших путей. В связанном графе из любой вершины можно попасть в любую другую вершину одним или несколькими путями. Если путей несколько, то путь, который включает наименьшее количество ребер, называют кратчайшим. Кратчайших путей может быть несколько.

Чтобы установить значение *центральности как посредничества* для конкретного узла, необходимо рассчитать кратчайшие пути между всеми возможными парами узлов. *Центральность* узла будет определяться как пропорция числа кратчайших путей, которые содержит этот узел, к общему числу кратчайших путей в сетевой системе. Узлы с наибольшей центральностью в этом смысле могут и не находиться на важных, по формальным критериям, позициях, но они часто занимают позицию «моста» — посредника, соединяющего несколько фракций внутри сети. В ситуации международных отношений небольшие государства и сепаратистские образования (типа Южной Осетии) могут приобретать высокую *центральность как посредничество* в ситуациях, когда прямой диалог между крупными государствами затруднен. В этих

случаях крупные игроки могут использовать фракции как рычаги воздействия друг на друга или инструменты в «конflikте через заместителей» (*conflict by proxy*). В последнем подходе центральность рассматривается как контроль связей между определенными позициями.

Плотность центральности рассчитывается как среднее расстояние от соответствующего узла до других узлов системы. Дистанция в таком случае рассматривается как возможность узла передавать информацию другим узлам в кратчайшие сроки и как возможная скорость передачи информации. Во внешнеполитических структурах акторы с наивысшей плотностью центральности обладают наибольшей возможностью спонсировать инициативы взаимодействия, однако, конфликтующие между собой соседние страны могут препятствовать их действиям по формированию альянсов.

Кодирование сетей международных отношений в Кавказском регионе

Для характеристики экономических отношений между акторами использовались параметры от «*нет отношений*» до «*тесные связи*». При этом учитывалась их цель — сохранение экономического присутствия и контроля в той или иной стране.

Область политики рассматривалась в параметрах от «*политический/идеологический конфликт*» до «*полное политическое влияние*», что важно для понимания сферы политического влияния того или иного актора в регионе.

Военные отношения между акторами оценивались в диапазоне от «*военное противоборство*» до «*полная военная поддержка*».

Каждый из акторов во взаимодействиях друг с другом преследовал собственные стратегические экономические, политические и военные цели.

Выводы и рекомендации

Согласно полученному прогнозу, первые два сценария развития политической ситуации — стабилизация региона и устранение угроз дестабилизации — имеют небольшие шансы на реализацию, поскольку их относительный вес среди других сценариев составил, соответственно, 15,4% и 15,7%.

Нашла подтверждение и тенденция к «блоковизации» основных акторов, действующих в регионе, на которую указывал в своих ранних работах Э. Ожиганов. Он отмечал, в частности, что «традиционный» для Кавказа тип локального конфликта: государство против сепаратистской группы или государство против государства при сохранении относительной стабильности всего региона в целом — должен уступить место ««блоковому» типу конфликта, затрагивающему само основание региональной безопасности» [Ожиганов 2006: 152].

Проведенное исследование показывает, что Азербайджан, Грузия и Турция, поддерживаемые США и ЕС, образуют один блок. Российская Федерация (Чеченская Республика), Армения, непризнанные республики (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах), Иран оказываются по другую сторону «баррикады». Казахстан и Туркменистан занимают нейтральную позицию (*см. рис. 1*).

Из возможных сценариев развития политической ситуации на Кавказе и в Каспийском регионе вариант системной дестабилизации имеет больший относительный вес, чем другие (относительный

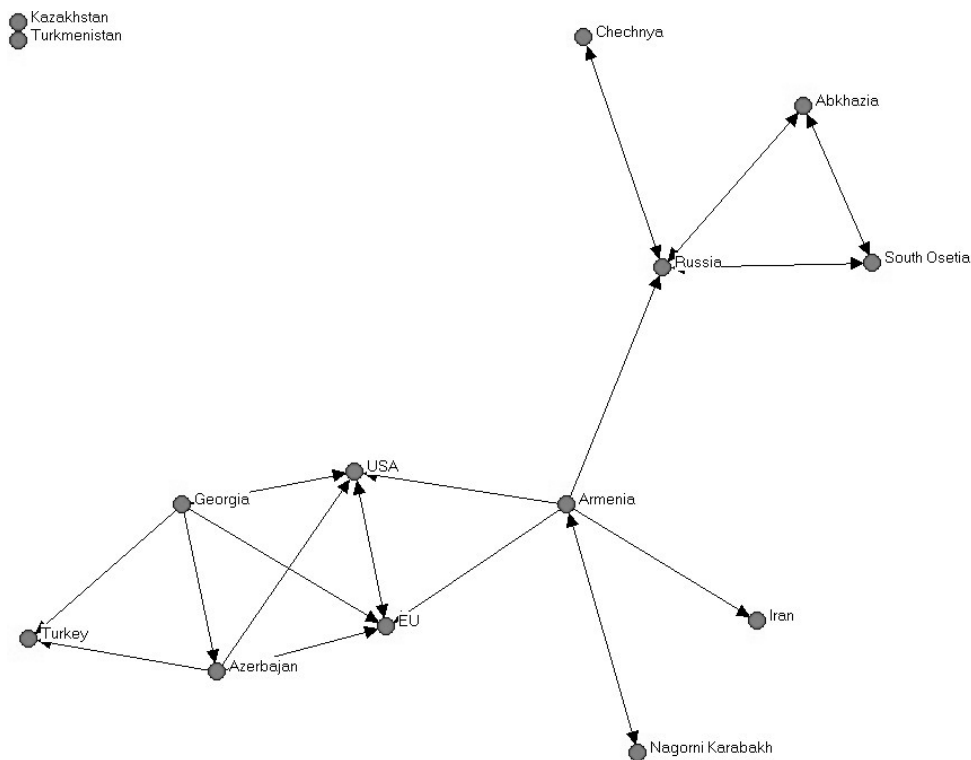
вес — 19,3%), а «военно-политическая блоковизация» в 2006 г. занимала вторую позицию (17,3%).

В 2006 г. правящие круги России, Ирана, Турции, США, ЕС, новых независимых государств Закавказья и Центральной Азии, непризнанных государств преследовали конфликтующие интересы и исходили из малосовместимых концепций и понимания безопасности. Противоположность в видении ситуации со стороны основных действующих сил определяла тенденции развития региона и отражала определенный этап в геостратегическом процессе,

связанном с политическим и экономическим переделом в ареале «Кавказ — Каспийский бассейн — Центральная Азия». Однако, несмотря на все предпосылки для перехода «блоков» от демонстрации враждебности к военному противостоянию, крайний вариант пока не сработал. Тем не менее «блоковизация» будет и дальше усиливаться (см. рис. 2).

Анализ геостратегических процессов в регионе Большого Кавказа и в Каспийском бассейне, выполненный в рамках системного подхода, подтверждает гипотезу о неразрывности и взаимосвязи экономики

Рисунок 1. Сети политической кооперации

Надписи на рисунке (слева направо, сверху вниз): Казахстан, Туркменистан, Чечня, Абхазия, Россия, Южная Осетия, Грузия, США, Армения, Турция, Азербайджан, ЕС, Иран, Нагорный Карабах.

(нефте- и газопроводы) и политики. При этом экономические факторы начинают превалировать в нефтеполитической стратегии ведущих акторов.

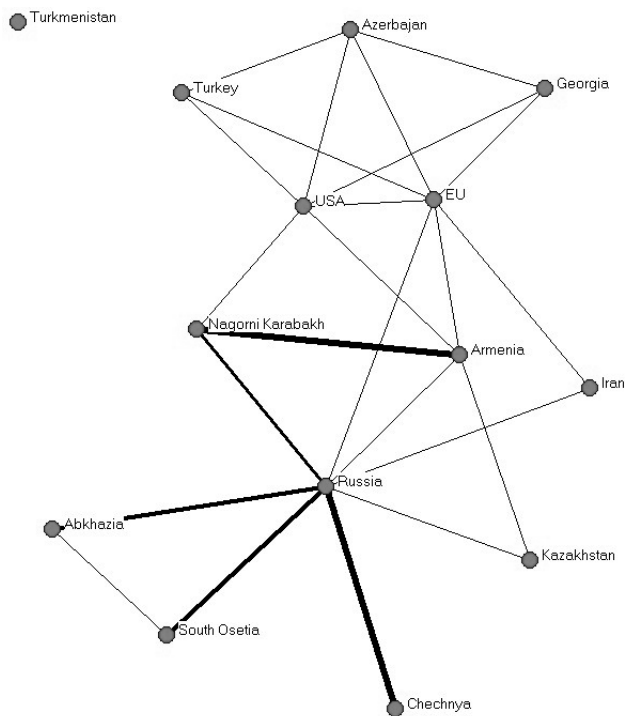
Сетевой анализ экономических, политических и военных отношений на Кавказе и в Каспийском регионе подтверждает некоторые выводы, вытекающие из системного подхода. Более того, сетевой анализ позволил выявить ряд новых тенденций:

- Россия в последние годы начинает играть гораздо более заметную роль в мировой политике и экономике;

- производители углеводородного сырья самостоятельно выбирают новые направления сотрудничества в экономической и энергетической областях;
- страны-производители стремятся поставить под национальный контроль (через деприватизацию) производство и распределение стратегических природных ресурсов.

Изменения в экономических отношениях совпадают с изменениями во внешней политике ведущих держав. Это выражается как в экономическом, политическом и воен-

Рисунок 2. Сетевая структура военных альянсов

Надписи на рисунке (слева направо, сверху вниз): Туркменистан, Азербайджан, Турция, Грузия, США, ЕС, Нагорный Карабах, Армения, Иран, Абхазия, Россия, Казахстан, Южная Осетия, Чечня.

ном давлении, так и в угрозе применения санкций против других региональных игроков. Агрессивная энергетическая политика наиболее влиятельных акторов в сочетании с централизацией власти ведет к формированию сильной поляризованной сетевой структуры, в которой положение, политика и связи слабых игроков в значительной степени определяются их альянсом с доминирующими державами.

Очевидное стремление ряда стран поставить под национальный контроль свои энергетические ресурсы усиливает тенденцию к формированию блоков. Радикальные решения нового правительства Боливии о национализации нефтегазового сектора и всех природных ресурсов страны — проявление той же тенденции. Можно ожидать, что по этому пути пойдут и другие государства (особенно «третьего мира»), обладающие запасами энергоресурсов, что существенно повлияет на их отношения со странами-импортерами, прежде всего с США.

«Энергетический фактор» может не только провоцировать конфликты, но и «замораживать» их, более того, способствовать их урегулированию. Характерный пример — согласие индийского правительства на участие в строительстве газопровода через территорию Ирана, Пакистана и Индии (в дальнейшем, возможно, и Китая) стоимостью в 4,5 млрд. долл. Интересы энергетической безопасности приобретают для Дели не меньшее значение, чем интересы безопасности военной. Противостояние с Пакистаном, трижды приводившее к войне, не помешало странам договориться о крупном совместном энергетическом проекте.

Мы ожидаем, что подобные силы будут действовать и среди региональных экономических игроков в Каспийском регионе, которые будут объединяться в союзы с

наиболее крупными партнерами для решения задач разработки, транспортировки и продажи энергоресурсов (см. рис. 3).

Эти союзы очевидны в сетях политической кооперации (см. рис. 1).

Россия, США и Евросоюз, создав региональные блоки с определенной сетевой структурой, демонстрируют радикальное различие в подходах к региональной политике.

Россия создает вокруг себя централизованную вертикаль с концентрацией информации, ресурсов и власти в центре сети. Несмотря на наибольшую эффективность правления и возможность глобальной оптимизации распределения ресурсов, такого рода вертикали власти подвержены опасности раскола и должны быть подкреплены механизмами побуждения к кооперации, будь то экономические методы, угроза применения силы или сочетание того и другого (политика кнута и пряника).

США и Евросоюз входят в плотную, децентрализованную структуру политических альянсов с региональными игроками. Такая структура обеспечивает равный доступ игроков к ресурсам и встроенные механизмы сдерживания агрессии и самоорганизации внутрисистемных связей. Это достигается за счет уменьшения сравнительного влияния сверхдержав и эффективности международных инициатив.

С позиции теории обмена, формирование социального капитала происходит через балансирование потребностей, с одной стороны, во влиянии, с другой — в поддержке нормальных социальных взаимодействий. В геостратегическом регионе Кавказа этот баланс нарушен, о чем свидетельствует наличие высокополяризованной сетевой структуры.

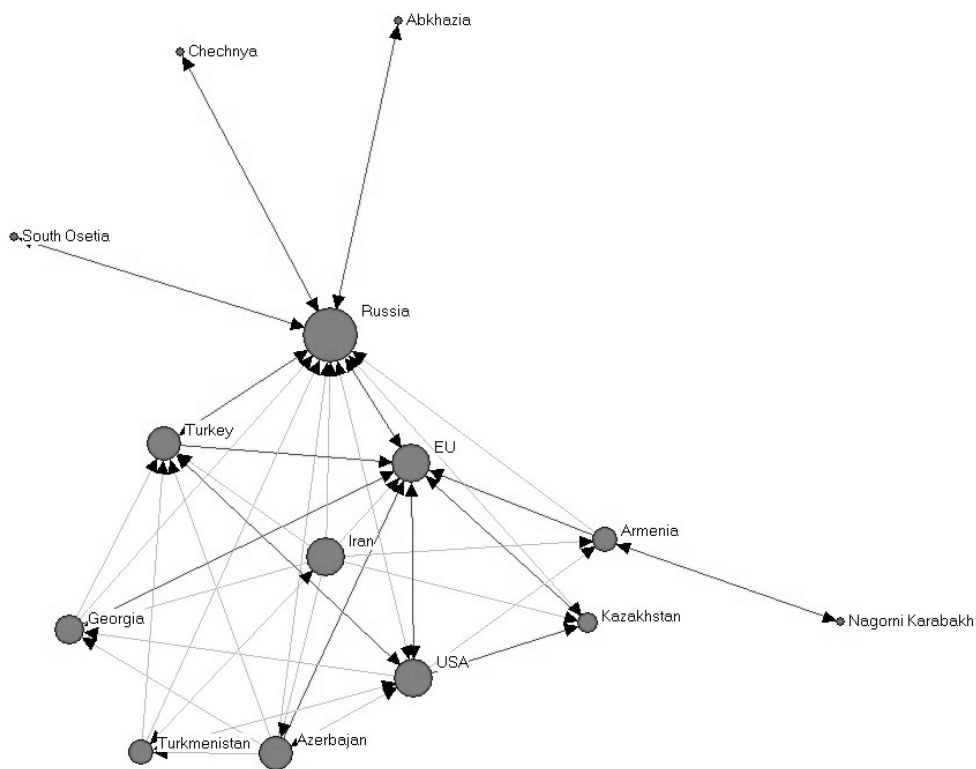
Таким образом, мы приходим к следующим выводам.

Первое. Реформирование системы государственного управления в России должно быть направлено не на централизацию власти, а на ее децентрализацию. Укрепление традиций самоуправления и самоорганизации в государственной системе может осуществляться за счет развития не только вертикальных (иерархических) структур, таких как сети патронажа и клиентелы, но и горизонтальных сетей, объединяющих субъектов, которые имеют примерно равные ресурсы и статус.

Второе. Государственные структуры быстро приобретают замкнутую олигархическую форму, стремятся монополизировать экономические ресурсы и определять их внешнюю направленность. Экономика остается затратной и расточительной. Демонопользация, расширение горизонтальных экономических связей позволят успешнее решать широкие общественные, а не узкогрупповые задачи.

Третье. Выстраивание горизонтальных экономических и политических связей

Рисунок 3. Сети экономической кооперации

Надписи на рисунке (слева направо, сверху вниз): Абхазия, Чечня, Южная Осетия, Россия, Турция, ЕС, Иран, Армения, Грузия, Казахстан, Нагорный Карабах, США, Туркменистан, Азербайджан.

позволит центру сконцентрироваться на внешних связях и уменьшит необходимость в силовой поддержке вертикали власти. Это с лихвой компенсирует некоторое ослабление контроля со стороны центра.

Четвертое. Формирование горизонтальных связей будет сопровождаться поисками баланса между централизованными структурами власти и децентрализованными горизонтальными структурами со-

трудничества. Переход к таким структурам потребует времени. В частности, нужны годы, чтобы укрепилось доверие граждан к региональным органам власти, — только после этого центр сможет передать им часть своих полномочий. Сбалансированный подход центральной власти позволит уменьшить маргинализацию региональных структур, ослабить сепаратистские тенденции и ускорить развитие общества.

п р и м е ч а н и я

<p>В послании Конгрессу «О положении в стране» Буш призывает к активному участию США в мировых делах. 2006: http://usinfo.state.gov/russian/Archive/2006/Feb/01-75684.html</p> <p>Гаджиев К.С. 2001. Геополитика Кавказа. М.</p> <p>Гусейнов В. 2002. Каспийская нефть. Экономика и геополитика. М.</p> <p>Мангейм Дж., Рич Р. 1997. Политология: методы исследования. М.</p> <p>Ожиганов Э.Н. 2006. Стра-</p>	<p>тегический анализ политики. М.</p> <p>Политика США в меняющемся мире. 2004. М.: Наука.</p> <p>«Российская газета», 2006, 11.05.</p> <p>Саати Т., Кернс К. 1991. Аналитическое планирование. Организация систем. М.</p> <p>Симония Н. 2005. Нефть в мировой политике // «Международные процессы», т. 3, № 3(9).</p> <p>Freeman L.C. 1979. Centrality in Social Networks: Conceptual Clarifications // «Social Networks», vol. 1.</p>	<p>Kalicki J.H., Goldwyn D.L. (eds.) 2005. Energy and Security: Toward a New Foreign Policy Strategy. Washington; Baltimore: Woodrow Wilson Center Press, Johns Hopkins University Press.</p> <p>Saaty T. 1980. The Analytical Hierarchy Process. N.Y.: McGraw-Hill.</p> <p>«The New York Times», 2005, 08.08.</p> <p>Wasserman S., Faust K. 1994. Social Network Analysis. Cambridge: Cambridge University Press.</p>
---	--	--